

М.П. Соболев

Почётный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза журналистов России и Русского географического общества

Р.С. Ерёменко

Помощник заместителя председателя Архангельского областного собрания депутатов, председателя комитета по законодательству и вопросам местного самоуправления И.А. Чеснокова, магистрант Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, член Русского географического общества

Трагедия на Русском Севере

В первом номере журнала «На пути к гражданскому обществу» за 2019 год была опубликована статья М.П. Соболева и Р.С. Ерёменко «Бессмертный подвиг Ленинграда (к 75-летию полного снятия блокады)», «выросшая» в книгу «Бессмертный подвиг блокадного Ленинграда: взгляд из XXI века», которая готовится к изданию. Авторы знакомят читателей журнала с заключительной главой, в которой повествуется трагедия на Русском Севере

Ключевые слова: дети войны, блокада, Год памяти и славы, историческая память, президентский указ.

В заключительной главе, используя документы, мнения учёных-историков и воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны, уделим внимание «составной» части общей трагедии, связанной с Русским Севером.

Научный директор Российского военноисторического общества, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России М.Ю. Мягков при открытии памятника «Детям войны» в г. Архангельске 1 октября 2019 года напомнил: «Архангельск стал вторым после Ленинграда городом по уровню смертности во время войны. И прежде всего, конечно, детской смертности. При этом Архангельск стал тыловой базой, портом, без труда жителей города невозможно было бы удержать фашистов на северном фланге. Четверть населения ушла на фронт. Остались дети – они были самыми беззащитными, но собирали урожай, хвою, морскую капусту, рыбу, на скалах – яйца птиц. Не для себя – для фронта и для голодающих земляков. Рискуя своей жизнью, зная, что многие бомбы были кассетными, школьники соревновались – кто быстрее схватит «зажигалку» и бросит её в ящик с песком. Очень многие погибли...» [1, с. 20].

«Страшный факт: после блокадного Ленинграда именно в Архангельске была самая большая смертность во время войны, и прежде всего умирали дети, от голода и холода» [2, с.3].

С первых дней войны Архангельск оказался в положении **прифронтового города**. Только за первый год войны над территорией Архангельского дивизионного района ПВО было зафиксировано 465 полётов вражеской авиации. А в августе—сентябре 1942-го Архангельск был подвергнут массированным бомбардировкам. «Спустя годы историки подведут неутешительные итоги вражеских бомбардировок в августе—

сентябре 1942 года, вызванные приходом в Архангельск очередного каравана PQ - 18, доставившего в СССР стратегические «лендлизовские» грузы. Будет установлено, что в течение этих месяцев на город были сброшены 21 тысяча зажигательных и 96 фугасных бомб. В ходе налётов сгорели 130 домов, разрушены 70. Было убито 86 человек, 112 — тяжело ранены» [3, с.17].

В памяти архангелогородца Л.Ф. Кулешова по сей день сохранились бомбёжки Архангельска. Особенно первая, в августе 1942 года: «Послышался сигнал воздушной тревоги, и мы решили, что она учебная, — тогда много таких было. Ну а когда полетели самолёты, начались пожары, стало ясно, что война совсем близко подошла к нашему городу. Деревянный Архангельск полыхал, было страшно, не скрою. Тогда я впервые увидел трупы. На следующий день после бомбёжки мы пошли проведать двух мальчишек, которые приходили играть к нам во двор, а они оказались мертвы — погибли во время налёта. Бомба попала в их дом, — рассказывает Леонид Кулешов» [3, с.17].

«В период Великой Отечественной войны Архангельск и область оставались тыловым регионом, но тяготы, выпавшие на долю жителей региона, беспримерны. В первые дни войны портовый город был закрыт для въезда и выезда. Потеря рабочих рук, проблемы снабжения удалённого северного города в условия военного времени поставили Архангельск в крайне тяжёлые условия. За 1941 — 1944 годы только по официальной статистике (данные загса), в городе умерло около 38 тыс. человек, т.е. каждый шестой житель. Наиболее пострадавшей группой, конечно, оказались дети и подростки.

С 1 сентября 1941 года была введена продажа по карточкам хлеба и сахара. На долю иждивенцев и детей приходилось 400 граммов низкокачественного хлеба в сутки. В дальнейшем нормы пересматриваются в сторону понижения, карточки отоваривались с опозданием или далеко не полностью. В самые трудные периоды детская норма снижалась до 200 — 150 граммов в сутки. Часто и норму было выкупить невозможно. Очереди за хлебом насчитывали до 2 — 2,5 тысячи человек уже осенью 1941 года.

Дети стали главной жертвой войны. По потерям от голода и болезней среди гражданского населения и особенно детей Архангельск оказался на втором месте в СССР после блокадного Ленинграда в процентном соотношении по количеству населения. Так, острейшую продовольственную проблему отчасти должны были

решить сами подростки, если с нею не могли справиться взрослые. Десятки молодых горожан работали в 1942 — 1943 годы в составе промысловых экспедиций на островах Ледовитого океана, заготавливая рыбу, морского зверя, яйца и мясо арктических птиц. Самая распространённая птица Крайнего Севера — кайра, гнездится большими колониями (базарами) на труднодоступном скальном побережье, где её промысел сопряжён со смертельным риском» [4, с.25].

«В годы Великой Отечественной войны тюлени спасали Архангельск от голодной смерти. Их мясо и жир добывали в Белом и Баренцевом морях.

Питались добытой пищей не только северяне, но и жители блокадного Ленинграда» [5, с.2].

Во время войны в Архангельске было построено 1452 противовоздушные щели и 49 бомбоубежищ. Под бомбоубежища оборудовали 14 подвалов городских зданий. Вражеские налёты на наш город продолжались с сентября 1941 года до середины 1943-го. Только в августе сентябре 1942 года фашистские самолёты сбросили на городские кварталы Архангельска более 20 тысяч зажигательных и фугасных бомб. Вместе с войной в жизни архангельской пятилетней девочки Нелли (Н.Н. Земчик. – Прим. авт.) появилось много новых слов: «воздушная тревога», «бомбоубежище», «фугаска»... «После одного из налётов мы с мамой увидели на земле застывший расплавленный сахар. Бомба попала в склад в районе улицы Урицкого и уничтожила запасы продовольствия, - рассказывает Нелли Николаевна. – Зимой 1942 года мы узнали, что такое настоящий голод. Сушили картофельные очистки, пропускали их через мясорубку, добавляли чуть-чуть муки, жарили, и получались весьма вкусные оладьи. А ещё из военного детства запомнились щи из крапивы, американская тушёнка и яичный порошок из яиц черепах, доставленный нам по ленд-лизу иностранными моряками» [6, c.21].

В.Н. Мигунову не успели эвакуировать до начала блокады. Вместе с мамой и братом она прожила в Ленинградкой области до прорыва блокадного кольца. После очередной бомбёжки Колпино дом на Первомайской, в котором жила семья В.Н. Мигуновой, рухнул как карточный домик, погребая под собою Валиного отца. Девочку и её брата мать сумела спасти. В подвале полуразрушенного здания, где нашли приют ещё несколько человек, они встретили блокаду Ленинграда. Вместе с ними жила дочь отца от первого брака Шура. «Однажды зимой Шура

пошла отоваривать хлебные карточки и не вернулась. Мама забила тревогу, стала её искать, обратилась в милицию...

Двенадцатилетнюю Шуру найдут задушенной в одной из опустевших квартир. Начнётся расследование, в ходе которого выяснится, что две сверстницы пропавшей девочки в очереди за хлебом заприметили в её руках много неотоваренных карточек и пригласили её в гости погреться. Простодушная Шура приняла приглашение и согласилась пройти в квартиру незнакомок, где и разыгралась трагедия.

– Смерть был повсюду: на улицах и в домах. Люди умирали от голода. Если всё подряд. Встретить в блокадные дни кошку или мышку на наших улицах было невозможно. Все они были съедены, – Валентина Мигунова вспоминает мамины рассказы о самых страшных днях войны. – Когда начиналась бомбёжка, мама садилась на табуретку, брала меня на колени, рядом ставила старшего брата Лёню. «Если погибнем, то всем вместе, – говорила мама. – Я без вас жить не смогу. Да и вас в детские дома не определят».

В Колпине стояли воинские чести. Мама и ещё несколько женщин ходили к столовой и ждали, когда дежурный по кухне выльет на землю воду из кастрюль, где можно было найти остатки пригоревшей каши или ещё что-нибудь съестное. А ещё у солдат можно было выменять на еду мыло, спички или махорку - всё это давали маме на заводе, где она работала» [7, с.11]. После прорыва блокады мать В.Н. Мигуновой увезла детей в Каргопольский район Архангельской области, где до двадцати лет Валентина Николаевна трудилась в колхозе «Большевик». Потом ей удалось уехать к тётке в г. Няндому Архангельской области, где получила паспорт. А через некоторое время устроилась сортировщицей на Цигломенский лесозавод в г. Архангельске. Вышла замуж, родила дочь у которой пятеро детей. Им она рассказывает, что лепёшки из собранной невыкопанной картошки весной казались вкуснее всех сладостей.

Уроженец деревни Клёщево Онежского района Архангельской области, житель г. Онеги Б.М. Сатюков вместе с мамой оказался волею судьбы в городе на Неве. «Голод был страшный, – с болью говорит Сатюков. – Переели и мышей, и крыс. Взрослым, которые работали, давали по 250 граммов хлеба. Кому-то по 125. А нам (детям) ничего не давали уже. Мы с мамой выжили потому, что она приносила с трикотажной фабрики, как она их называла, гонки от ткацких станков. Они были изготовлены из какой-то ко-

жи. Распарит в воде, гвозди повыдёргивает и сделает холодец. Наешься его, кусочек хлеба скушаешь, если мать даст, и всё. Так мы и жили.

Потом детей перестали выпускать на улицу, потому что там стали теряться даже взрослые.

— Мама на работе. Я заболел и пошёл к врачу, а на улице, на снегу, лежат мёртвые, — продолжил Борис Михайлович. — Я запомнил, женщина, толстая такая, лежала на обочине. Волосы длинные разметались. Как упала и замёрзла, так и лежала. А из бедра кто-то вырезал кусок плоти...».

Зимой 1942 года восьмилетнего Бориса с мамой и тётей с её единственной оставшейся в живых дочкой из семерых детей (остальные умерли от голода) эвакуировали. Чуть позже они вернулись в Клёщево, к бабушке, где и пережили лихую годину» [8, с.4].

Бывшего директора Череповецкого лесхоза Вологодской области лесопатолога В.В. Красушкина война лишила счастливого детства, поселив в него постоянный страх и голод. «На момент начала войны Вячеславу Красушкину было всего лишь 4 года. Семья жила тогда на хуторе Федино. «Отца забрали на войну, задача у него была очень специфическая. Он служил при авиационной части в Пушкине и регулярно выезжал в блокадный Ленинград, где стеклил окна после бомбёжек. Почти всю блокаду он выполнял эту работу. А к нам эвакуировались из Ленинграда наши родные: моя тётя и двое её детей. Получилось в доме так: наша семья - шестеро, и их трое», - вспоминает Вячеслав Николаевич. Самое сильное его воспоминание о войне – это повсеместный голод. Напомним, что вологодские деревни страдали от него немногим меньше, чем блокадный Ленинград, поскольку почти всё продовольствие в те годы отсюда отправляли на фронт, колхозникам оставляли меньше, чем требовалось, чтобы выжить. «Ели лепёшки изо мха сфагнума и опилок. Промороженная картошка лакомством считалась. Была ещё дурында. Ваше поколение не знает, что это такое. Это жмых. Каким он тогда казался вкусным!» - оглашает Вячеслав Красушкин традиционное меню своего детства» [9, с.18].

Директор музея Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова Н.М. Шулакова поведала: «Беспощадный голод и холод — условия жизни в Архангельске мало чем отличались от блокадного Ленинграда. Но вузы, отдав свои учебные корпуса под госпитали, продолжали учёбу и исследования в почти не отапливаемых общежитиях». <...> —

Продолжать учёбу и работу в прифронтовом Архангельске было сродни подвигу: архангелогородцы получали такую же пайку хлеба, как в блокадном Ленинграде: по 400 граммов в день, в 1942-м – 200 граммов в день и страшно голодали. В воспоминаниях студентов АГПИ (Архангельский государственный педагогический институт. – Прим. авт.) неоднократно встречается фраза «от голода и холода несколько дней не могли подняться с постели, чтобы прийти на учёбу...». Умирали от истощения и студенты, и преподаватели, прямо в общежитиях, на улицах города... В этом судьба Архангельска очень похожа на судьбу Ленинграда, – говорит Наталья Шулакова» [10, с.18, 19]

«Профессор, почётный граждании Архангельска и ректор Архангельского государственного педагогического института Георгий Фруменков (Г.Г. Фруменков – ректор Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова с 1962 по 1980 годы, доктор исторических наук, профессор. — **Прим.** авт.) ушёл на фронт сразу после окончания Ленинградского педагогического института имени Герцена.

22-летний молодой педагог, сын репрессированного, он попал в армию генерала Власова, целью которой был прорыв блокады Ленинграда. Да, это был тот самый Власов, который позднее, попав в плен, создал так называемую «Русскую освободительную армию» под патронатом фашистов. Но в первый год войны Власов ещё не был предателем, а считался одним из лучших генералов Советской армии. Георгий Георгиевич участвовал в оборонительных боях от Луги до Пулкова. В декабре 1941-го в составе войск Волховского фронта освобождал Тихвин, в марте 1942-го был назначен заместителем командира роты по политчасти.

Георгий Фруменков в плен, в отличие от Власова, не попал, ему удалось выйти из окружения. А в это самое время в блокадном Ленинграде от голода скончалась его молодая жена Варвара, её родители и родной брат будущего учёного.

В разгар войны Георгий начал писать заметки во фронтовую газету. Позднее он вспоминал о своём первом очерке, посвящённом старому солдату, участнику ещё Первой мировой войны, который «и в отступлении сохранял извечные в русском народе выдержку и стойкость...». «Ты, сынок, не бойся врага, — ласково наставлял он молодых бойцов. — Враг снаружи нахал, а внутри он трус».

В апреле 1943-го после прорыва блокады Ленинграда, Фруменков получил вызов в редакцию газеты «Фронтовой дорожник» (орган 8-го военно-дорожного управления Волховского фронта, с июля 1944 г. – 2-го Прибалтийского фронта), родившейся на Дороге жизни. Окончил войну в Восточной Пруссии в звании старшины. Он не получил офицерского звания и не имел орденов, потому что высшее начальство, по словам его командира, не утверждало представлений из-за упоминания в послужном списке 2-й ударной под командованием изменника Власова. Выше других наград Фруменков ценил медаль «За оборону Ленинграда».

После войны Георгий Георгиевич прожил долгую и интересную жизнь и скончался в 1989 году. Однако рубцы на сердце, оставшиеся с 41–45х, до конца его дней не давали покоя...» [11, с.13].

Такой же жгучий интерес земляки проявляют к судьбе секретаря Союза писателей СССР, лауреата Государственной премии СССР, кавалера ордена Ленина, участника Великой Отечественной войны, уроженца д. Веркола Пинежского района Архангельской области Ф.А. Абрамова. Старейший журналист Севера Л.В. Мельницкая рассказывает о нём: «14 июля 1941 года студент третьего курса филологического факультета Ленинградского университета Фёдор Абрамов добровольно вступил в ряды народного ополчения Ленинграда. Участвовал в качестве рядового пулемётчика артиллерийскопулемётного батальона в обороне города. 24 сентября был ранен в предплечье левой руки и до 18 ноября 1941 года находился на лечении в ленинградских госпиталях... После чего вернулся в строй, а 28 ноября второй раз был ранен - на этот раз тяжело: разрывной пулей пробило обе ноги в верхней части бедра...

Итак, с 14 июля по 24 сентября и с 18 до 28 ноября 1941 года — может, кому-то покажется, что не так уж долго и воевал Фёдор Александрович? Господи, но в каких же тяжелейших боях он сражался! Фронт подходил всё ближе к Ленинграду; его первый батальон в боях на окраинах Старого Петергофа был разбит; в живых остались немногие — и он в том числе... Потом по приказу командования батальон был вновь укомплектован и занял оборону в городе Старый Петергоф...

Как писал Фёдор Абрамов в рапорте «Обстоятельства моих ранений»: «... $\bf B$ течение трёх дней мы вели беспрерывный бой (выделено мной – Π .М) с числен-

но превосходящим противником. Я лично работал на пулемёте...»

А перед вторым ранением 28 ноября при наступлении полка они вступили в бой рано утром, прямо с марша...

Игорь Петрович Золотусский в своей книге «Фёдор Абрамов» приводит рассказ его друга, преподавателя Ленинградского университета А.Редина: «Ленинградский фронт. Ударному батальону приказано сделать в проволочном заграждении. Зима. Мороз сковал болото. Местность открытая. Миномётный обстрел. Укрытие – трупы погибших товарищей. Скольких сразила здесь вражеская пуля! Фёдор пополз к заграждению. В одной руке ножницы, в другой граната. Внезапно замечает перед собой немца. Бросает в него гранату, но немец успел выстрелить. Разрывные пули прошивают солдату ноги, бёдра. Он теряет сознание. Уткнувшись носом в землю, истекает кровью. Позёмка заметает его.

Ночью специальная похоронная команда подбирала убитых. Посчитав мёртвым и Федора Абрамова, волокут его на плащ-палатке в братскую могилу. Усталые измученные солдаты с трудом волокут ноги. Один из них спотыкается, падает и проливает из котелка воду мёртвому на лицо.

Мёртвый застонал. Так чудом остался жить Фёдор Абрамов».

После этого был госпиталь, разместившийся в одной из аудиторий исторического факультета его родного университета. Аудитория была сплошь заставлена топчанами, где раненые лежали в ватниках, ушанках, накрывшись от холода матрасами. Голода и холода блокады хлебнули сполна...

Позже, выступая в день своего шестидесятилетия, Фёдор Александрович назвал двух человек, которые сыграли особую роль его жизни в годы войны. «Доктор Лурье... К стыду своему, не помню ни имени, ни отчества. Она ходила всегда в госпитале с опухшим лицом, отливающим чугунной синевой. И мне даже трудно сказать о возрасте её, сколько лет ей было. Но благодаря ей я остался с двумя ногами. У меня было тяжёлое ранение, прострелены разрывной пулей ноги, нужно было ампутировать. Она спасла мне ногу. Да она, кроме того, добилась, чтобы мне как тяжело му вместо пяти клёцок, пяти катышков теста выписали в самые лютые дни блокалы восемь Α восемь клёцок это было катышков. очень много. Второй человек - тоже женщина. Это Минна Захаровна Каган, мать моего товарища, которым Я уходил на войну, ныне известного искусствоведа. В самое лютое время, в январские морозы сорок второго года, лежал в промёрзшей когда аудитории исторического факультета, в ушанке, под матрацем, она с улицы Чайковского пришла ко мне вместе со своей дочкой-школьницей в госпиталь и пришла ещё с блокадным подарком с блокадным сухариком. И этот подарок - один из самых памятных, может быть, самый дорогой для меня подарок в жизни».

Из ленинградского госпиталя Абрамова вывезли через Ладогу (потом он долечивался в городе Сокол Вологодской области). Как его переправляли через Ладогу, Фёдор Александрович тоже рассказал в одном из своих выступлений по телевидению: «Мне страшно повезло, конечно, я был в переплётах самых ужасных: так, через Ладогу пробирался уже в апреле месяце 1942 года, там машина одна впереди с ребятишками блокадными, другая — с ранеными сзади пошли на дно. Наша машина как-то прошла под пулемётами и под обстрелом, под снарядами».

Игорь Петрович Золотусский пишет, что Абрамов всю жизнь считал себя должником тех, кто погиб на фронте. Потому что «погибли, может быть, самые талантливые, может быть, самые гениальные ребята». И потому что он остался жить — жить за всех них: я думаю, это чувство многих из тех, кто прошёл войну».

10 апреля 1942 года Фёдор Абрамов вышел в отпуск по ранению и вернулся домой. Три месяца подряд у него перед глазами был «...великий подвиг русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, фронт, быть может, не менее тяжкий, чем фронт русского мужика, – как я мог забыть об этом!» И не написать «Братья и сёстры» он, по его признанию, просто не мог» [12, с.362 – 364].

Не менее интересна судьба и другого земляка-героя. Уроженец деревни Власьевская Верхнетоемского района Архангельской области И.Д. Вежливцев до службы в Красной армии трудился лесорубом, охотился, добывал дичь. Во время советско-финской войны (1939 – 1940) служил в дивизионе судов морской пограничной охраны. Уроки снайперского искусства, полученные от снайпера Царёва, пригодились ему впоследствии, на полях новой войны. «В августе 1941 года Ивана Вежливцева направляют под Ленинград. Ситуация критическая: враг наступает, надо во что бы то ни стало отстоять второй по значимости город страны. Старшина Иван Вежливцев становится разведчиком, затем –

снайпером отдельной разведроты Первой стрелковой дивизии НКВД. В представлении многих войска НКВД — это охрана лагерей, заградотряды и т.д. Между тем в их составе были боевые части и соединения, отлично зарекомендовавшие себя на фронтах. В одну из них попал служить Иван Дмитриевич.

Очень и зима 1941 — 1942 гг. — время, когда решалась судьба города на Неве: отступление, оборона, блокада, голод, холод, артобстрелы и бомбёжки, Дорога жизни... Иван Вежливцев и его товарищи сражались в районе Малой Дубровки, на одном из наиболее горячих участков линии обороны города (поблизости располагалась переправа на Невский пятачок). Так случилось, что они оказались окружены превосходящими силами противника. Враг вёл ураганный огонь, наши бойцы отвечали меткими выстрелами, швыряли гранаты. Горстка советских солдат против целой немецкой роты!

Восемь дней о них не было ни слуху ни духу. На родину Ивана Вежливцева отправилось официальное извещение. Дрожащими руками жена (или уже вдова?) Евдокия развернула казённую бумагу. Похоронка? Нет, сообщается, что пропал без вести. Значит, есть надежда» [13, с.23]. О подвигах снайпера И.Д. Вежливцева (только за осень 1941-го – зиму 1942-го он уничтожил 134 немецких солдата и офицера) писали газеты, поэты сочиняли стихи. Его группа целую неделю петляла по лесам, пока не вышла к своим. Евдокия Васильевна получила письмо от мужа. В феврале 1942-го И.Д. Вежливцев получил Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. Кавалер медали «За оборону Ленинграда» вернулся в родные места в звании лейтенанта. Работал председателем колхоза «Восход», директором маслозавода. На войне он каждый день рисковал жизнью, а погиб в мирное время: утонул в августе 1957 года. Похоронен в селе Вознесенье. В родной деревне героя Власьевской на его доме установлена мемориальная доска. Земляки сохраняют память о нём.

По уровню смертности от голода во время войны Архангельск иногда сравнивают с блокадным Ленинградом. На этот счёт свою точку зрения имеет доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова А.В. Репневский: «Голод в Архангельске начался в ноябре 1941 года, до этого времени люди ещё могли рассчитывать на продовольственные запасы, которые оставались и у них самих, и в городе. Появились карточки,

в магазинах хлеб следовало нарезать ниткой или леской, чтобы не оставалось крошек.

Что качается блокадного Ленинграда, то я считаю неэтичным сравнивать показатели смертности там и в Архангельске.

До войны в Ленинграде проживало 2 миллиона 900 тысяч человек. По разным данным, умерло от голода 638 тысяч человек гражданского населения. Эта цифра впервые прозвучала на Нюрнбергском процессе. В 60-е годы её «подняли» до 800 тысяч, а потом в 90-е стали говорить об 1 миллионе 900 тысячах умерших. Это больше, чем половина населения. Это уже малодостоверные цифры, они надёжными документами не подтверждаются.

В Архангельске из 200 тысяч населения, по данным ЗАГСа, скончались за годы войны около 38 тысяч человек.

Очевидно одно: в наших городах жили мужественные люди, которые не сдались ни голоду, ни холоду и твёрдо верили в то, «что враг будет разбит и Победа будет за нами» [14, с.19].

Известный писатель В.В. Конецкий, переживший блокаду подростком, прямолинейно и честно дал ответ на подобный вопрос Л.В. Мельницкой: «Всю судьбу, всю жизнь, все нервы и весь характер перепахала-переехала у Виктора Викторовича блокада Ленинграда. А поскольку характер у Конецкого был тот ещё — принципиальный до жёсткости, то мог он иногда такое сказать, особенно после рюмкидругой...

В разговоре с ним я неосторожно заикнулась, что Архангельск во время войны был после Ленинграда самым голодным городом СССР. У него постальнели глаза, и он сказал: «Ну, сравнила! У вас хоть можно было из города выехать, добыть чего-то, рекой подкормиться... Даже лёд зимой на Двине полизать».

И отступила я со своими детскими воспоминаниями перед жгучей памятью человека, который мальчишкой, выживая вторую страшную блокадную зиму, собирался с силами, чтобы ободрать с промёрзших стен кусок старых обоев: с изнанки могли сохраниться остатки мучного клейстера». Эту тему при нём нельзя было трогать» [15, с.392].

Историк Л.Я. Лурье пишет, что «уже в начале блокады почти 60 тысяч человек вывезли из города в Коми и Архангельскую область» [16, с.231].

Хотим обратить внимание на следующий документ — «Распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР о помощи Ленинграду продовольствием» 10 января 1942 г. Заместитель

председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР А. Микоян.

- «1 . Для обеспечения продовольствием населения г. Ленинграда, войск Ленинградского фронта и частей КБФ и создания запаса продовольствия в г. Ленинграде обязать:
- в) Наркомпищепром СССР (т. Зотова): отгрузить в январе 1800 т сахара из Архангельска, масла растительного 700 т из Пятигорска и 1000 т кокосового масла из Новосибирска (сверх отгруженных на 5.1. 1942 г. 2700 т сахара и 800 т масла, согласно утверждённому 18. XII. 41 г. по плану)...»[17, с.218 219].

На 27 января 2019 года (день полного снятия блокады) в Архангельской области проживало 176 человек, награждённых знаком «Жителю блокадного Ленинграда» и 6 ветеранов, отмеченных медалью «За оборону Ленинграда». Судьба каждого из них — история гражданского и ратного подвига, о которых рассказали архангельские журналисты Т. Сухановская, С. Царёва, Л. Ковлишенко, С. Александров, И. Азовский, И. Петров, Н. Сенчукова, А. Морозов, Л. Мельницкая, А. Беднов.

8 июля 2019 года президент России В.В. Путин издал Указ №327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» в 2020 году «в ознаменование 75-летия Победы Великой Отечественной войны» и «в целях сохранения исторической памяти». Написание и издание нашей книги — скромный вклад в святое дело. Считаем уместным процитировать К.М. Симонова устами кандидата исторических наук С.Н. Рудника: «Вспоминаю слова писателя Константина Симонова: «Война была такой, какой она была: с просчётами, с трудностями, с жертвами, с победами... Но войну не перевоюешь. Значит, остаётся писать о ней правду...» [18, с.6], что мы, надеемся, и сделали.

Библиографический список:

- Сухановская, Т. Холоду и голоду вопреки / Т. Сухановская // Российская газета — Неделя. 2019. №233(7991), 16 — 22 октября 2019 г. — С 20
- 2. Царёва, С. Маленьким героям большой страны / С. Царёва // Архангельск город воинской славы. 2019. №75(865), 2 октября 2019 г. С.3.
- 3. Ковлишенко, Л. Деревянный город полыхал... / Л. Ковлишенко // Архангельск – город воинской славы. 2019. №79 (869), 16 октября 2019 г. – С.17.
- 4. Александров, С. В начале октября в Архангельске откроют памятник «Детям войны» /

- С. Александров // Архангельск. 2019.№38(4916), 26 сентября 2019 г. С.25.
- Азовский, И. Господи, изгони бесов / И. Азовский // Для умных людей Правда Северо-Запада. 2019. №33 (151), ПСЗ (791), 25 сентября 2019 г. С.2.
- 6. Ковлишенко, Л. Звук от фугасной бомбы ни с чем не спутаешь / Л. Ковлишенко // Архангельск город воинской славы. 2019. №69 (859), 11 сентября 2019 г. С.21.
- 7. Ковлишенко, Л. «Во время бомбёжек мама брала меня на колени» / Л. Ковлишенко // Архангельск город воинской славы.2019. №63 (853), 21 августа 2019 г. С.11.
- Петров, И. Увидеть берег, где была та мука / И. Петров // Онега. 2019. №10(12094), 2 февраля 2019 г. – С.4.
- 9. Старостина, Е., Мелёхина, Н. Детство, которого не было / Е. Старостина // Русский Север. 2019. №2(17), 2019 г. С.18.
- 10. Сенчукова, Н. На лекциях у студентов замерзали чернила... / Н. Сенчукова // Архангельск город воинской славы. 2019. №69(859), 11 сентября 2019 г. С.18, С.19.
- 11. Морозов, А. Неизвестная война известных северян / А. Морозов // Архангельск город воинской славы. 2019. №33 (823), 8 мая 2019 г. С.13.
- 12. У вас есть слово...: публикации Лидии Мельницкой: [12+/ сост.: И.В. Овчинникова, вступ. ст. С.Н. Лойченко]. Архангельск: Лоция, 2019. С. 362 364.
- 13. Беднов, А. Истребитель захватчиков / А. Беднов // Архангельск. 2019. №45 (4923), 14 ноября 2019 г. С.23.
- 14. Репневский, А. Вагон с продовольствием это была большая удача / А. Репневский // Архангельск. 2019. №73 (863), 25 сентября 2019 г. С.19.
- 15. У вас есть слово...: публикации Лидии Мельницкой: [12+/ сост.: И.В. Овчинникова, вступ. ст. С.Н. Лойченко]. Архангельск: Лоция, 2019. С. 392.
- 16. Лурье Л.Я. Без Москвы. СПб.: БХВ-Петербург, 2017. – С. 231 – (Окно в историю).
- 17. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят: сб. док. / [редкол.: В. К. Артамонов и др. ; сост. : А.Н. Чистиков и др.]. Санкт-Петербург: Креатив, 2014. С. 218 219.
- Рудник, С. Правда о блокаде / С. Рудник // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. №6(6359), 16 января 2019 г. – С.6.

©Соболев М.П., Еременко Р.С., 2019